

ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ (ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ «ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ»?)

Андрей Алексеев
Социологический институт РАН

От ведущего рубрики

Я глубоко признателен Андрею Николаевичу Алексееву за предоставленную мне возможность поместить фрагменты его недавно вышедшего четырехтомника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»* в настоящей рубрике «Телескопа». У этого фундаментального, многожанрового произведения есть множество предметных ипотез, но одна из важнейших, на мой взгляд, это — история отечественной социологии. Приведу три обстоятельства, аргументирующих этот вывод. Во-первых, на страницах книг отражены многие важные события, происходившие в ленинградской социологии в последние десятилетия прошлого века. Это не только воспоминания автора, но документы и мнения участников тех событий. Во-вторых, в работе представлена определенная коммуникационная сеть нашего профессионального цеха и через описание реальных ситуаций обозначены многие формальные и неформальные механизмы общения большой группы социологов. В-третьих, и это важнейший аспект исторической окрашенности предмета исследования А. Н. Алексеева, на анализе многих драматических ситуаций, в которых автор был и действующим лицом, и наблюдателем, им показано, каким образом социальная среда в ее макро- и микропроявлениях детерминирует производство социологического знания и жизнь социологического сообщества.

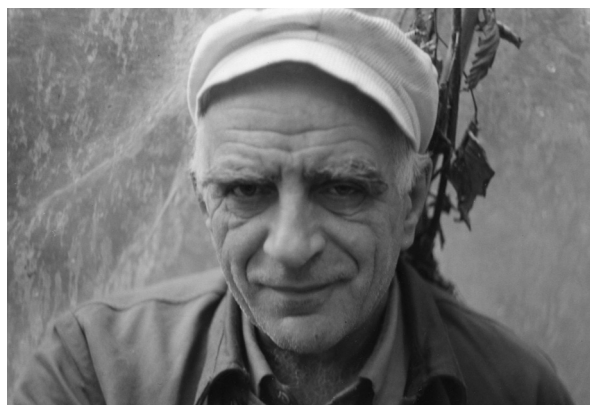
Публикации названных материалов предпосланы ответы Андрея Алексеева на несколько моих вопросов относительно методологии «драматической социологии» и содержания книги.

Борис Докторов

Как сложилась идея драматической социологии? Я имею в виду и суть книги, и ее жанр, и термин...

Будем различать жанры — **исследовательский** и **литературный**.

Начну с первого. Драматическая социология, в моем понимании, это определенный способ (жанр...) исследования, в рамках того, что принято называть **деятельностно-активистским** подходом в социологии (ныне обретающем все больше приверженцев). Другая родовая характеристика «драматической социологии» — это принадлежность к тому, что называют **микросоциологией**. И, наконец, речь идет об одной из вариаций «субъект-субъектной» (в отличие от «субъект-объектной»), гуманистической, **качественной** (в смысле — «качественные методы...») социологии. В «драматической социологии», как правило, имеет место **исследование случаев** (что вовсе не исключает амбиции социальных обобщений...)¹

Указав на родовые признаки, обратимся к специфике.

Основным методом «драматической социологии», по-видимому, является **НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ**. В отличие от участвующего (или включенного) наблюдения, предполагающего максимальную «микрию» исследователя в изучаемой социальной среде (быть и поступать «как все», наблюдая и фиксируя естественное развитие ситуаций и процессов), наблюдающее участие предполагает изучение социальных процессов и явлений через целенаправленную активность субъекта (исследователя...), делающего собствен-

ное поведение своеобразным инструментом и фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не «извне», а «изнутри» ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру.

Особое место здесь занимает исследовательская практика так называемых **МОДЕЛИРУЮЩИХ СИТУАЦИЙ**. Под такими понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса.

Лет 20 назад мне довелось — признаюсь, вовсе не в научном трактате! — провозгласить что-то вроде исследовательского кредо или девиза «драматической социологии»: **«познание через действие»**. (Можно сказать и еще лаконичнее: «познание действием» — формулировка А. Ющенко). Причем именно за счет «социологического действия» (понимаемого предельно расширительно...), достраивалось до триады известное различие социологической теории и социологической эмпирии.²

Еще один термин, уместный в этом контексте: **СОЦИОЛОГ-ИСПЫТАТЕЛЬ**. В «драматической социологии» обычно имеет место своего рода профессионально-жизненный, социально-личностный эксперимент (иногда говорят: «эксперимент на себе», но это звучит слишком красиво).

Может быть, ты заметил, что первый из 4-х томов «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» так и называется: «В поисках жанра»... Речь идет главным образом об исследовательском жанре.

...Но тут, пожалуй, стоит оговорить, что только к «действию» этот способ исследования не сводится, существенны еще и **«рефлексивная феноменологическая надстройка»** над наблюдениями-описаниями-идентификациями плюс **«контекстуальный анализ»**, как «саморазвитие метода наблюдающего участия» (формулировки Р. Ленчовского). Уже сами по себе описания, «протоколы жизни», они же — рабочие документы исследования, своего рода «полевые дневники», являются неотъемлемым элементом исследования, как такового.³

- 1 Автостенограмма выступления на отчетно-выборном собрании СЗО Советской социологической ассоциации 1987 г. полностью приводится в конце настоящей публикации.
- 2 Один коллега пытался меня убедить, что без «протокола» (т. е. оперативной фиксации наблюдений) можно обойтись... Вот тут, мне кажется, и пролегает грань между наукой и не наукой, или, точнее, между эмпирическим исследованием и иными формами познания.
- 3

1 Как замечал Гете, «хорошо увиденное частное может всегда считаться общим».

* А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

Мне еще хотелось бы обратить твое внимание на отличие драматической социологии (в изложенном смысле) от «социологии действия» и «социологии интервенции» (по Турену). Дело в том, что туреновская *социология действия* — это не просто (не только) исследовательская практика. Здесь присутствует также момент социальной педагогики, своего рода «внесения сознательности в стихийность движения» (что подтверждается, например, опытом применения метода социологической интервенции в «студенческой революции» во Франции в конце 60-х гг. прошлого века).

Между тем, социолог-испытатель, как исследователь, не претендует на организацию «коллективной борьбы». В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысловознательной задачей (соответственно, комбинацией этих задач и мотивов).⁴

Другое необходимое размежевание — между «драматической социологией» (в изложенном смысле...) и *драматургической социологией* И. Гофмана. Должен, не без смущения, признаться, что о последней я до середины 90-х гг. и не слышал. Теперь же замечу, что если у Гофмана все социальные и межличностные интеракции интерпретируются «в театральном ключе» («Wir alle spielen Theater...»)⁵, то в «драматической социологии» речь идет лишь об игровых моментах в поведении исследователя.

Термин ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ относится мною к тому «жанру» социологического изыскания, где происходит соединение (интеграция?) *практической деятельности, рефлексии и игры* (с социальным объектом...), которое в таком случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик «социологической драмы»; не путать с «социодрамой»...). И еще одно, пусть не столь специфичное (поскольку, относимо, полагаю, и не только к обсуждаемому исследовательскому подходу) определение: «драматическая социология» — принципиально *диалогична и интерактивна* (это может быть диалог, взаимодействие исследователя и с непосредственным социальным окружением, и с социальными институтами...). То есть это — *коммуникативная* социология.

Теперь, насчет истории терминов. *Наблюдающее участие, моделирующие ситуации, социолог-испытатель* — вышли из писем-дневников социолога-рабочего начала 1980-х гг. Ставя тогда «социологическую драму» исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», я испытывал своего рода эйфорию овладения новой жизненной (и профессиональной...) ситуацией и, можно сказать, фонтанировал новыми понятиями и оригинальными терминами. Среди них, например: *вынужденная инициатива* («инициатива, направленная на предотвращение неблагоприятных последствий ее отсутствия»), *адаптационное нормотворчество, социально-опережающее поведение...* В первых публикациях на эту тему говорил об опыте *экспериментальной* социологии... Выражение «драматическая социология», кажется, было употреблено пару раз, но еще не как термин, а скорее метафорически.

Но вот в середине 90-х, при доработке рукописи книги об «эксперименте социолога-рабочего» (она вышла в издании Института социологии РАН в 1997 г.), я отказался от первоначально задуманного, слишком академичного названия — «Познание через действие», и озаглавил свое сочинение («без затей...»): *Драматическая социология*. Вскоре сообразил, что это может быть и терминологическим обозначением исследовательского подхода. Тогда ввел в предисловие обоснование (оправдание...) термина.

4 Хотя в определенных обстоятельствах может возникнуть самоорганизация окружения социолога-испытателя вокруг предмета его исследования. (Наглядный пример — «дело» социолога-рабочего, рассматриваемое в настоящей публикации ниже).

5 Дословно перевести с немецкого затруднительно. Ближе всего к этому известно: «Весь мир — театр...»

Не скажу, что термин идеально подходящий (так, «драматическую» недолго смешать с «драматичной»... а это, очевидно, разные вещи, хоть может и совпасть...). Но лучшего сам, наверное, уже не предложу.

Кажется, жанр исследования я охарактеризовал.⁶ Теперь о «жанре литературном», или о жанре книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (в дальнейшем для краткости — «Драматическая социология...»), вышедшей в 2003-2005 гг.

Все четыре тома этой не совсем академичной книги по существу являются собраниями (композицией...) документов. Документы личные и публичные; житейские, деловые, научные... Хоть личное письмо, хоть дневник («протокол наблюдающего участия»), хоть справка или обращение в официальные органы, хоть газетная заметка или научная статья — любой письменный «след» биографии и истории, будучи поставлен в определенный контекст, может обрести смысл *социологического свидетельства*. Сама же по себе композиция (отбор свидетельств и расположение их в определенных сочетаниях и последовательности, своего рода *монтаж*...) выступает способом первичной концептуализации, а в определенной мере — также и анализа и осмысления.

К особенностям такого «документально-социологического» жанра относятся множественность и «столкновение» различных приемов описания и индивидуальных интерпретаций, будь субъектом описания или интерпретации сам автор — в разное время! — или же другие люди, которым представляется слово на страницах книги.

Иосиф Бродский не однажды отмечал главенствующее значение *композиции*, этого «драматургического принципа», во всяком творчестве. Не удержусь, чтобы не процитировать его письмо другу (Я. Гордину) из ссылки (1965):

«...Сознаю, что чувствую себя больше Островским, чем Байроном. (Иногда чувствую себя Шекспиром). Жизнь отвечает не на вопрос: что? — а: что после чего? И перед чем? Это главный принцип. Тогда и становится понятным «что». Иначе не ответишь. Это драматургия. Черт знает почему, но этого никто не понимает. Ни холодные люди, ни страстные...» (Гордин Я. Переключка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2000, с. 137-138).

6 Хочется также воспроизвести здесь одну из самых ранних характеристик исследовательского подхода, или метода «драматической социологии», из писем-дневников 1980 г.: «...В чем специфика моего исследования (да, пожалуй, и способа жизни сегодня)? Уже приходилось высказываться против включенного наблюдения в пользу наблюдающего участия (метода близкого к социальному экспериментированию). Так вот, меня интересуют прежде всего не высказывания, не мнения и даже не факты, индивидуализированные или массовые, а — ситуации, имеющие достоинство модели. Моделирующие ситуации. «В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи (или «веянье»? — не помню!) пустынь» (Н.Гумилев). Но чтобы в капле лучше отразилось море, полезно ее сгустить. Можно сгустить силой художественного воображения, как в искусстве... Силой так называемого домьсла к факту, как в публицистике... А можно сгустить — в самой жизненной практике, собственными действиями, способствующими превращению заурядной ситуации в моделирующую. Оригинальный жанр творчества, которому можно найти аналог разве что в Театре. Но там пока еще остается какой-то барьер между сценой и зрительным залом. Да и зритель — хоть и «со-творец», но не со-автор и не со-актер... В театре — сначала пишут (драматург), потом ставят (режиссер), потом играют (актеры) и сопереживают (зрители). А тут все перемешано! И даже отчасти наоборот: сначала играют (иногда — не успев как следует срежиссировать), а потом пишут, осмыслиют. Сначала действие, потом текст (ну, хотя бы этот)....» (Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб: Норма, 2003, с. 178-179).

Мне кажется, что адекватным способом представления результатов исследования в жанре «драматической социологии» является именно композиция (иерархия композиций, или «композиция композиций...») материалов этого исследования. Причем жанр «Драматической социологии...» (книги!), предполагает попытку сюжетного выстраивания произведения, где результаты исследования предстают не готовыми, а развивающимися в процессе их получения. (В данном случае сквозным сюжетом оказался «эксперимент социолога-рабочего», продолжавшийся с 1980 по 1988 г., с включением множества побочных, «привходящих» жизненных и исторических сюжетов и обстоятельств).

Некими прообразами, или первыми подступами к этому жанру для меня оказались... тематические папки личного архива, где документы обычно располагаются в хронологическом порядке. Тематико-хронологическим является и принцип построения «Драматической социологии...».

Стоит отметить, что при всем разнообразии текстов, составляющих «строительный материал» книги, пожалуй, преобладающими и ведущими являются именно *письма*, адресованные, как правило, конкретному лицу, но сочетающие при этом элементы коммуникации другому лицу («письмо»), самому себе («дневник») и для других («статья»).

И еще об одной важной, как я считаю, жанровой особенности. Это практика сопровождения документов прошлого (включая собственные тексты автора...) или даже отдельных пассажей из этих документов авторским комментарием «из сегодня». Я называю эти комментарии *ремарками* (тоже, кстати сказать, из драматургического лексикона...). Однако именно документы прошлого, «жизненные свидетельства» и т. п. составляют основной корпус книги такого жанра (а ремарки, иногда и весьма развернутые, — по мере необходимости!). В этом, кстати, принципиальное отличие от *мемуаров*, где документы присутствуют в лучшем случае в качестве эпизодических цитат.

Всю эту многосложную структуру, переплетение *сюжетов, времен, жанров*, автор полагает уместным прозрачно представить в подробном оглавлении, которое выступает в качестве также и своего рода путеводителя. Ибо рассчитывать на то, что кто-либо согласится читать, к примеру, свыше 2000 стр. «от корки до корки» не приходится. Но каждый читатель, взяв такую книгу в руки, может поискать в ней для себя полезное или интересное.

При изобилии *со-авторов* (они же — чаще всего — *со-акторы*, со-участники описываемых в книге событий, наряду с самим «социологом-испытателем») книга разрастается в объеме, вопреки авторскому желанию. И лично я испытываю некоторую неловкость перед читателем за излишне толстые тома. Но так уж получилось...

В известном смысле, есть у этой книги образец, которому, автор, может, и следовал бы, кабы сам не «додумался», а точнее — нашел, нащупал (хоть и не столь совершенно, а свое...). Это «исповести» нашего старшего современника философа и культуролога Георгия Гачева.

Его «Семейная хроника» (1994), как, впрочем, и почти все его произведения, построена как «перепечатка» записей одного периода жизни, комментируемых по ходу дела им же самим, «сегодняшним». И получается: диалог с самим собой. Вот как Г. Гачев объясняет — «идею предпринимаемого труда, а с нею — и метода»:

«...Конечно, совершавшиеся на ходу записи тех лет (1969-1971. — А. А.) имеют ценность несправимой достоверности, я их ретушировать не буду, править слог и благообразить: в них именно и характер («персонаж — это стиль!») — так бы хотел, афоризм даже предложить, но вспомнил, что почти повторяю Бюффона: «Стиль — это

7 См. А. Н. Алексеев. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации / XII Люблинские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000. Эта работа включена и в книгу: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1..., с. 299-303.

человек» — что же! — и слава Богу, подтверждение... Хотя я имею в виду еще и то, что персонажами литературного произведения и текста могут быть его стилистические пласты, и дух места того времени, и аромат жизни. Разумеется, придется выбирать, не все давать (место не позволяет и то, что я еще живой); но то, что дается, идет как было написано, честно. Если же я буду вступать в диалог с самим собой или комментировать, то новые мои слова будут обозначены своими датами. Двухголосие выйдет. Второ...» (Г. Гачев. Семейная хроника. Лета в Щитове (исповести). М.: Школа-пресс, 1994, с. 10).

Так именно поступал и я. Как видно, в жанре «Драматической социологии...» автор далек от первооткрывательства. Все мы — так или иначе — «изобретатели велосипедов»... Хоть в рамках нашей социологии и можно, пожалуй, говорить об определенном «ноу-хау».

Пожалуй, мне следует остановиться, чтобы не злоупотребить твоим приглашением поговорить о жанрах «драматической социологии» и/или «Драматической социологии...». Что здесь не успел сказать — можно найти в предисловии и в заключении моей книги, а также в соответствующем разделе тома 2: «Что сказать мне удалось — не удалось».

...Когда-то, в 1970-80-х гг., мы с тобой увлеченно занимались социологией театра. На любого из нас, социологов — участников группы «Социология и театр» при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества — прикосновение к этой сфере, думаю, наложило свой отпечаток. По крайней мере для изобретателя (автора, адепта...) «драматической социологии» в этом сомневаться не приходится.

Хорошо. Но можно ли сказать, что драматическая социология это, кроме всего тобою перечисленного, и определенный жанр твоей жизни?

Да, рискну добавить к сказанному еще одно, пожалуй, даже «нескромное» определение: драматическая социология как... своего рода *стиль* (тоже жанр?) *жизни!*

В какой-то момент (похоже, в конце 70-х — начале 80-х), в частности, у будущего автора (изобретателя?.. открывателя?..) «драматической социологии» произошла этакая оригинальная сверхидентификация с профессией, когда собственная жизнь стала восприниматься как *объект* и *инструмент* (обрати внимание — и то, и другое!) некой социологической штудии. Социология стала жизнью, а жизнь — социологией.

Интересно, что вместе с тем это было и своего рода «выходом за рамки...», «выпрыгиванием...» из профессии, ибо решение неких жизненных, сугубо практических задач (запуск ушибленного станка или оборона от гебешного наката или еще что...) лишь с изрядной долей условности можно трактовать как тематизированное «социологическое исследование».

Единственное, что вроде бесспорно, это что то были акции если не исключительно, то *также и* социально-познавательные. (А не есть ли вся наша жизнь — в известном смысле — познание мира и себя, или себя и мира?). А тут уже поле не только для «драматической социологии и социологической ауторефлексии», но и для **драмы социального мира-и самопознания**.

Я это сейчас к тому, чтобы избежать абсолютизации или фетишизации социологического знания, как такового. Т. е. не обязательно быть социологом для постановки ауто-экспериментов и т. п. Равно как и «драматическая социология», разумеется, есть лишь предельный (маргинальный?) случай социологического подхода, переходящий в нечто совсем иное (не только не социологию, но даже, может, и не науку... А во что?!)..

Твоя «драматическая социология» — это одновременно и автобиография, и «просто» биографическая книга, которую пишешь как бы не ты, но о себе. Я читаю твои тома с большим интересом, они стимулируют мои поиски. Но на один вопрос я не могу сам ответить... может ты ответишь?

При изучении биографий и творчества моих героев я стараюсь увидеть сделанное ими как функцию их жизни в определенной среде. Можно ли сказать, что

постижение себя, или не себя, но человека, очень похожего на тебя, стало в какой-то момент главной научной целью твоих изысканий? Т.е., еще не зная того, что тебе предстоит написать (создать) «драматическую социологию», ты начал постигать реальность, действуя в ней, и испытывать себя, участвуя или не участвуя в происходящем. Другими словами, «драматическая социология» – это и процесс твоей деятельности (т.е. внутреннее, или «автобиография»), и главный результат твоей работы (т.е. «биография»).

Твои рассуждения о связи особенностей жизненного процесса (биографии...) и специфике творческого результата (включая научные результаты...), точнее — о зависимости второго от первого, в социокультурном контексте, мне вполне созвучны.

Вообще, как ты мог заметить, я являюсь адептом «личностного знания» М. Полани.⁸ А Вернадскому, между прочим, принадлежит замечание о том, что «познать научную истину... можно лишь жизнью».

...У великих Дэвида Огилви и Джорджа Гэллага, о которых ты много пишешь, жизнь и творчество все же не совпадают, хоть первая и есть «база творчества», «резервуар стимулов» и т. д. У других великих (воздержусь от примеров...) «взаимоналожение» того и другого гораздо сильнее, в пределе — процесс (жизни...) и результат (творчества...) неразоторжимы.

О себе скажу так: осознание собственной жизни как своего рода объекта или предмета «включенного наблюдения» (а, в силу определенных особенностей жизненной позиции, и «наблюдающего участия»...), у меня возникло где-то в конце 70-х. В самом уходе из института на завод экзистенциальный мотив поначалу все же преобладал над профессионально-социологическим (впрочем, вскоре они сравнялись по значимости...). Но в качестве социолога, каковым я продолжал себя считать, мотив *само*-познания уступал мотиву *миро*-познания. Так мне сегодня это ретроспективно видится.

Иначе сказать: хотелось бы все-таки думать, что «драматическая социология» преследовала цель не только и не столько «постижения себя» (для этого не надо быть социологом...), сколько постижения мира, социальных явлений и процессов и т. п. И содержательным результатом явилась не только и не столько «биография», сколько *картина социального мира*, полученная специфическими «автобиографическими» средствами. Насколько картина эта «научна», «объективна», «достоверна» — другой вопрос... Демонстрация возможности и потенциальной эффективности такого способа социального (социологического?) познания (разумеется, в сочетании со всякими другими!), возможно, есть главный методологический результат «драматической социологии».

Признаться, этому методологическому результату я придаю значение не меньшее, а даже большее, чем содержательному. Не думаю, что с помощью «автобиографических» средств мне удалось открыть неведомые ранее социальные закономерности, но вот новый подход к их постижению, пожалуй, предложен и апробирован.

* * *

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ДЕЛА» СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО (1984-1987)

Несколько вступительных слов

*Ниже приведен ряд документов, относящихся к так называемому «делу социолога-рабочего» середины 1980-х гг. За исключением двух заключительных (личного письма от июня-сентября 1987 г. и авторской заметки позднейших лет), все документы являются официальными. Здесь они цитируются по тексту книги: А. Н. Алексеев. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.**

⁸ См. М. Полани. *Личностное знание. На пути к посткритической философии.* М.: Прогресс, 1985.

Отбор и расположение документов в настоящей подборке позволяет обойтись практически без каких-либо комментариев. (Июль 2006).

В отношении Алексеева А. Н. (март 1984)⁹

Справка. 12.03.84. N 5-3/493. Ленинград

В январе с. г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия» Управление КГБ по Ленинградской области объявило официальное предостережение Алексееву Андрею Николаевичу, 1934 г. рождения, русскому, члену КПСС с 1961 г., кандидату философских наук, работающему слесарем-наладчиком завода «Полиграфмаш», проживающему по адресу: Ленинград, Налличная ул., дом 40, корп. 1, кв. 132, в связи с тем, что он хранил и распространял среди своих знакомых произведения политически вредного содержания, не издававшиеся в СССР и не подлежащие распространению на территории Советского Союза, а также распространял в своем окружении изготовленные им машинописные документы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности.

Алексеев в 1956 г. окончил факультет журналистики ЛГУ им. А. А. Жданова (*правильно: филологический факультет... — А. А.*), член Союза журналистов СССР с 1961 г. В 1964-1965 гг. работал в редакции «Ленинградской правды» в должности заведующего промышленным отделом, в 1975-1981 гг. — старшим научным сотрудником в Институте социально-экономических проблем АН СССР.

В январе 1980 г. Алексеев приступил к проведению социологического исследования в рабочей среде по типу «включенного наблюдения» и перешел на работу в качестве слесаря-наладчика на завод «Полиграфмаш», продолжая до декабря 1981 г. научную работу в ИСЭП АН СССР по совместительству.

Имеющиеся в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области материалы свидетельствуют, что Алексеев хранил и в 1978-1982 гг. распространял среди своих знакомых копии изданных за границей клеветнических произведений «Зияющие высоты» и «Светлое будущее», автором которых является бывший советский гражданин Зиновьев А. А., сотрудничающий с эмигрантскими антисоветскими организациями.

В 1980-1982 гг. в период работы на заводе «Полиграфмаш» на основании полученных им материалов в процессе т. н. «включенного наблюдения» Алексеев написал несколько статей политически вредного содержания, под названием «Письма любимым женщинам», в которых он в иносказательной форме допускает измышления о генеральной линии партии, с клеветнических позиций оценивает советскую пропаганду, оскорбительно отзываясь о рабочем классе.

Кроме того установлено, что в 1979-1981 гг. Алексеев организовал и провел несанкционированное партийными органами и администрацией ИСЭП АН СССР социологическое исследование «О состоянии и перспективах развития советского общества». Вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» и методологический комментарий к ней носили тенденциозный характер и были построены таким образом, чтобы получить негативные ответы о состоянии и перспективах развития советского общества.

По месту жительства у Алексеева изъяты политически вредные произведения Дж. Оруэлла «1984» на английском языке, цитатник Мао-Цзэ-дуна, машинописные отрывки из книги Ф. Искандера «Сандро. Новые главы», клеветнического содержания, и восемь документов с грифом «Для служебного пользования».¹⁰ Один из документов — доклад академика Т. И. Заславской «Социальный механизм развития экономики» — был размножен им и распространен в своем

⁹ В настоящем документе, равно как и во всех остальных приводимых здесь, орфография и синтаксис сохранены.

¹⁰ Обыск на квартире А. состоялся 16 сентября 1983 г.

окружении. Такое обращение с документами «Для служебного пользования» является нарушением установленных правил работы с ними.

На беседе в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области Алексеев А. Н. вел себя неискренне, от дачи правдивых объяснений по указанным выше фактам уклонился.

Начальник подразделения УКГБ ЛО В. И. Полозюк

Из акта комиссии партийного расследования цеха № 3 ПО «Ленполиграфмаш» (апрель 1984)

<...> Алексеев А. Н., работая на заводе с 1980 г., помимо основной работы наладчиком станков в рабочее время вел записи своих наблюдений о положении дел в коллективе. Свою точку зрения излагает в так наз. записях «Письмах любимым женщинам», или как называет Алексеев А. Н. «Закодированный архив», в которых в извращенном виде показывает негодность наших отечественных станков и оборудования, восхваление станков иностранного производства и неумение наших рабочих работать на них.

<...> В «Письмах» Алексеева А. Н. выражены мысли явно антисоветского содержания, особенно рельефно они выражены на страницах 43, 57, 80, 101, 181 и др. «Письма любимым женщинам» (часть 1-я на 316 печ. листах и часть 2-я на 417 листах) <...> созданы в эпистолярном жанре, «художественные» исследования, в которых автор оскорбительно высказывается о советском рабочем классе, о Советской Армии, пытается утверждать, что социалистическое производство является иррациональной системой, заявляет, что социалистическому массовому сознанию присущ шизофренизм. Данные материалы отмечены цинично-пренебрежительным отношением к советской науке, переполнены завуалированными, а иногда и откровенными антисоветскими высказываниями.

Злоупотребляя доверием коллектива, Алексеев А. Н. нередко использовал рабочее время для личных целей, составления пасквилей на нашу действительность. <...>

Подписи: председатель комиссии Максимов Б. Г., члены комиссии Калинин М. Ф., Лобов Е. В.

(04.84)

Эволюция формулировок исключения из рядов КПСС (1984-1985)

Исключить Алексеева А. Н. из рядов КПСС...

... за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания. (Решение партийного собрания цеха № 3 Ленинградского завода полиграфических машин, 16.04.84).

... за нарушение Устава КПСС, его уставных обязанностей (**так!** — А. А.), выразившееся в распространении антисоветской литературы и написании статей политически вредного содержания. (Постановление парткома ПО «Ленполиграфмаш», 23.05.84).

... за хранение и распространение политически вредных произведений, написание и распространение материалов, содержащих идеологически невыдержанные оценки некоторых сторон советской действительности, грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования и проведение тенденциозно экспертного (**так!** — А. А.) исследования советского общества. (Постановление бюро Ленинградского ГК КПСС, 16.01.85).

... за проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на (**так!** — А. А.) советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования. (Постановление бюро Ленинградского ОК КПСС, 4.06.85).

Из экспертного заключения

«По поводу персонального дела Алексеева А. Н.» (август 1984)

<...> По поводу написанного А. Н. Алексеевым не остав-

ляет сомнений в том (**так!** — А. А.): 1) что он идейно порвал с последовательным коммунистическим мировоззрением, 2) подвержен влиянию буржуазной идеологии, 3) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой члена КПСС и партийного журналиста.

Нужно прежде всего констатировать эклектизм его идейных установок и практического поведения, и в то же время сам этот эклектизм рассматривать не как движение незрелого сознания в направлении к коммунистическому мировоззрению, а наоборот — от научной идеологии и практики в оппортунизм и ревизионизм, к двойственному увертливому поведению. <...>

Декан факультета журналистики Ленинградского университета, кандидат философских наук В. Г. Комаров
3.08.84

Из постановления Секретариата правления ЛО СЖ СССР

<...> Члены оргкомиссии ЛО СЖ Занин А. Ф., Воронцов А. Ю., Ребиков Б. А., а также декан факультета журналистики ЛГУ, кандидат философских наук В. Г. Комаров внимательно ознакомились с имеющимися по делу документами и провели беседы с тов. Алексеевым.

<...> Из анализа написанных Алексеевым материалов комиссия пришла к выводам, что:

1) у тов. Алексеева А. Н. прослеживается опасная идейная эволюция;

2) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой советского журналиста.

Исходя из вышеизложенного, секретариат СЖ постановляет:

— исключить Алексеева А. Н. из членов Союза журналистов СССР за действия, несовместимые с этим высоким званием.

Председатель правления ЛО СЖ СССР А. К. Варсочин
30.08.84

Из протокола № 1 заседания бюро ЛО ССА (10 января 1986 г.)

Присутствовали: <...>

(Список присутствующих здесь не приводится, поскольку, как выяснилось позднее, не все указанные в протоколе лица действительно присутствовали на этом заседании. — А. А.)

<...> 5. Персональное дело.¹¹

Парыгин Б. Д. (председатель бюро ЛО ССА. — А. А.). Сегодня мы рассматриваем персональное дело члена ССА Алексеева А. Н. Доложит председатель комиссии Гревцов Ю. И.

Гревцов Ю. И. Зачитывает справку комиссии.¹²

Парыгин Б. Д. Хотелось бы послушать членов комиссии.

Воронцов А. В. Когда я ознакомился с делом в ОК КПСС, то у всех членов комиссии было единодушное мнение — исключить Алексеева из членов ССА. Чего он добивается? Все его высказывания — с позиций антикоммунизма. К примеру, он приводит в дневниках высказывания Бжезинского и нет ни слова о социализме. Руководителей подразделений он называет генеральными марионетками. Он использовал данные социологического исследования, которое он проводил один, без экспертов, использовал данные с одной стороны — найти отрицательный ответ. Анкета — 45 экспертов — в формулировке «кризис» нашего общества, а также его выводы, основанные на этих 45 интервью — «общество у-

11 Дело рассматривалось в отсутствие «героя», поскольку тот на все предыдущие приглашения на заседания бюро ЛО ССА (в 1985 г.) отвечал отказом.

12 См. А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 4. СПб: Норма, 2005, с. 21-23.

ративо идеал и перспективы развития», «коррупция на всех уровнях», «рост бесхозяйственности».

Меня удивляет поток писем Алексеева в свою защиту. Это в какой-то степени человек бессовестный, нам надо было пригласить корреспондента из «Ленинградской правды» и осветить его деятельность.

Федосеев А. А. А материалы исследований были представлены Алексеевым куда-либо? На Запад его материалы не попали?

Гревцов Ю. И. Нет, его материалы распределялись в кругу его друзей и сочувствующих. На Запад материалы его исследований не попали. Распространялись только среди знакомых разных городов.

<...>

Парыгин Б. Д. Кто желает еще высказаться?

Ельмеев В. Я. Мы слышим, что бывают такие выступления и за рубежом. Чем объяснить этот факт? Видимо, низким научным уровнем. Деятельность Алексеева вредная тем, что он решил социологию использовать не для целей укрепления социалистического общества.

<...>

Максимов Б. И. Я не член бюро. Хочу призвать членов бюро к повышенной внимательности ввиду уникальности рассматриваемого дела, незаурядности личности Алексеева. Им допущены серьезные ошибки. Вместе с тем ему присущи большие достоинства. Это человек чрезвычайной работоспособности, им опубликовано более 100 научных работ. Результаты, полученные Алексеевым во время работы на заводе и отраженные в научных отчетах, в большой статье для журнала «Системные исследования», имеют важное значение с точки зрения совершенствования хозяйственного механизма. При поступлении на завод Алексеевым руководило стремление глубже понять природу социально-экономических отношений в производственном коллективе, с целью разработки предложений по совершенствованию хозяйственного механизма. Алексеев сознательно шел на ухудшение своего положения, связанного с проведением включенного наблюдения, надо отдать должное его гражданскому и научному мужеству. Выражаю мнение, что ошибки Алексеева есть именно ошибки, но не злоумышленные действия. При сопоставлении их с заслугами Алексеева можно ставить вопрос об оставлении его в составе ССА, при вынесении соответствующего взыскания.

Пашков А. С. Лично не знаю, но как юрист считаю, что есть основания для квалификации уголовного преступления. Что это — заблуждение или сознательный источник? Почему распространял письма антисоветского содержания? С ним поступили очень гуманно. Будучи специалистом, он злоупотреблял правами члена ССА. В ходе исследования мы можем получать разную информацию, вопрос в том, как к ней относиться.

Сигов И. И. Пришлось некоторое время работать с Алексеевым. Считаю, что комиссия проделала очень тщательную работу и все это верно отражено в справке комиссии. Основное в материалах Алексеева — цинизм. Это человек, который действует не с позиции что-либо дать, а только критиковать. Комиссия объективно оценила его дело.

Парыгин Б. Д. Складывается ясная картина. Налицо факт политического цинизма и негативизма. Вывод ясен — сформулированный комиссией. Я убедился в его наклонности к сепаратизму еще 10 лет назад. Прошу председателя комиссии зачитать проект постановления.

Гревцов Ю. И. Зачитывает проект постановления:

«Заслушав и обсудив справку комиссии по рассмотрению персонального дела члена ССА, к. ф. н. Алексева А. Н., бюро ЛО ССА **постановляет:**

— За серьезные нарушения принципов Устава Советской социологической ассоциации (ст. 4 и 15-в), этики советского ученого, выразившиеся в проведении политически не выдержанного, тенденциозного исследования, грубых нарушениях правил использования и хранения документов слу-

жебного характера, распространении среди знакомых материалов политически вредного характера, а также материалов, имеющих гриф «для служебного пользования» — исключить Алексева А. Н. из членов Советской социологической ассоциации (в соответствии со ст. 16 и 17 Устава).

— Решение бюро направить на утверждение в Президиум правления ССА.

— Просить Президиум правления ССА опубликовать информацию о принятом решении в журнале «Социологические исследования».

Парыгин Б. Д. Голосуем за формулировку предложенного комиссией проекта.

Постановили: Исключить Алексева А. Н. из членов ССА с предложенной комиссией формулировкой.

Председатель бюро, д. ф. н., проф. Б. Д. Парыгин
Ученый секретарь Г. А. Румянцева

Из сценария телевизионной передачи «Интерпретация» (август 1988)

<...> — А иные голоса были?

— О да! Только до 1986 г. они были разрознены и приглушены. Но постепенно началась целая кампания гражданской защиты, в которой приняли участие и ученые, и журналисты, и рабочие. Как коммунисты, так и беспартийные. Из разных городов страны. Без этой товарищеской, гражданской поддержки, я бы, наверное, и до сих пор числился бы по разряду «отщепенцев».

— Тут конечно, решающую роль сыграли общественные преобразования, ход исторического времени...

— И да, и нет. Не только время определяет человеческие поступки, но и человеческие поступки определяют время. Если бы я согласился с предъявленными обвинениями, вряд ли бы получил общественную поддержку. Сама эта поддержка явилась приметой времени, но также и фактором изменений, не только моей личной судьбы...

(«Интерпретация». Автор и ведущий передачи — Сергей Дегтярев. 1988)

Гражданская защита. 1984-1987

А. Алексева — Р. Ленцовскому (июнь-сентябрь 1987)¹³
Дорогой Роман!

Мне захотелось написать Тебе тематическое письмо. Оно будет содержать обзор фактов и событий *гражданской защиты конкретного субъекта* (твой корреспондент), предпринятой в разное время, разными людьми, в разных формах, в период с 1984 г. по настоящее время.

Большинство этих фактов Тебе известно. Но, думаю, все же *не все*, и не в полном объеме. А я хотел бы, чтобы здесь не было пробелов.

Задам себе два ограничения.

Я коснусь здесь фактов и событий защиты только *инициативной и публичной*.

С учетом первого критерия, в настоящий обзор не войдут заявления, сделанные «поневоле» (в порядке ответа на вопросы, исходящие от официальных органов). Согласно второму критерию, мой обзор не отразит шагов, которые сводятся к межличностным отношениям, т. е. таких, которые не претендовали на общественный резонанс или официальную реакцию.

Особенно последних за минувшие годы было очень много.

Так вот, факты *дружеской поддержки* здесь не обозреваю. А только — акты *гражданской защиты* (инициативной и публичной, как было сказано).

Разумеется, мое определение «гражданской защиты» не является безусловно строгим, однозначным. Но не будем педантами!

¹³ Роман Иванович Ленцовский — киевский философ и социолог. Один из со-авторов книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».

Ты, вероятно, помнишь о скептической позиции, занятой мною по отношению к намерениям защитных действий в мою пользу — сразу после официального предостережения КГБ, исключения из партии и т. д. Запрета не накладывал, но и не «разрешал», когда меня спрашивали. Мало способствовала гражданственным проявлениям и общественная ситуация 1983-1984 годов.

Лишь в прошлом (1986-м. — А. А.) году я сообщил всем, кто ранее спрашивал моего согласия на те или иные формы защитных действий или гражданской поддержки, что «общественных или личных противопоказаний для таких шагов больше не вижу».

Итак, читай мой хронологически упорядоченный обзор:

= В апреле 1984 г. решением партийного собрания цеха N 3 «Ленполиграфмаша» А. исключен из партии, по обвинениям, носящим политический характер. Голосование — не единогласное! Двое воздержавшихся: рабочие-бригадиры, члены КПСС **И. Виноградов** и **А. Сыцевич**.

= В мае 1984 г. фрезеровщик «Ленполиграфмаша», член КПСС **Г. Богомолов**, будучи членом заводской партийной комиссии по персональному делу А., высказывает свое «особое мнение». После чего от участия в комиссии отстранен.

= В мае 1984 г. инженер отдела НОТ и управления «Ленполиграфмаша», социолог, беспартийный **Б. Максимов**, обращается в партийный комитет завода с просьбой пригласить его на заседание парткома, где будет рассматриваться персональное дело А., для изложения своего мнения по обсуждаемому вопросу. (Ему в этом отказано).

= В мае 1985 г. на цеховом партийном собрании утверждается характеристика на А., составленная для представления в Ленинградский обком КПСС. Есть один воздержавшийся: рабочий-бригадир **А. Сыцевич**.

= В сентябре 1985 г. в журнале «Знание-сила» (1985, N 9) опубликована статья «Случай на заводе», в которой дается высокая оценка «социологическому методу наблюдения», разрабатываемому в Ленинграде». Автор статьи — ленинградский социолог **А. Сарно**. Редактор социально-экономического отдела журнала — **И. Прусс**.

= В ноябре 1985 г. журнал «Юность» (1985, N 11) перепечатал беседу журналиста М. Левина с ленинградскими социологами В. Ядовым, Н. Щербаковым и А. Алексеевым, ранее опубликованную в журнале «ЭКО» (1983, N 8).

= В течение 1984-1986 гг. в ежегоднике Томского государственного университета «Социальные проблемы познания и управления» продолжали публиковаться работы А., при полной осведомленности ответственного редактора, социолога **Л. Гурьевой** в обстоятельствах «дела Алексева».

= В 1984-1986 гг. выходили статьи А. в различных научных сборниках. Среди редакторов, опубликовавших работы «опального социолога»: **А. Альтшуллер**, **О. Маслова**; **Б. Тукмцев**; **В. Дмитриевский**; **Б. Докторов**; **В. Жидков**.

= В январе 1986 г. социолог **Б. Максимов** выступает на заседании бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации с возражениями против предложения соответствующей комиссии об исключении А. из членов ССА.

= В мае 1986 г. новосибирский социолог, член КПСС **Р. Рывкина** обращается с письмом в Ленинградский ОК КПСС, где излагает свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В мае-июне 1986 г. сотрудником журнала «ЭКО» **Н. Максимовой** подготовлены к публикации производственные дневники социолога-рабочего (извлечение из так называемых «Писем Любимым женщинам», с которыми ее познакомил **Р. Рывкина**).

В июле 1986 г. **Н. Максимова**, приехав в командировку в Ленинград, обращается в Ленинградский обком КПСС, где, в беседе с зав. организационным отделом ОК КПСС Розиным, высказывает свое мнение по вопросу о «деле Алексева».

= В сентябре 1986 г. ленинградский социолог, член КПСС **А. Ющенко** выезжает в г. Москву с целью попасть на при-

ем к председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. Соломенцеву. Был принят дежурным сотрудником в приемной ЦК КПСС, которому изложил свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В октябре 1986 г. социологи, участвовавшие в отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации в мае 1985 г., **Н. Белова**, **О. Божков**, **М. Илле**, **Л. Кесельман**, **Г. Саганенко**, **И. Травин**, **А. Ющенко** заявляют о своей готовности выступить в качестве свидетелей в Севастопольском районном народном суде г. Москвы, где рассматривался иск А. о защите чести и достоинства к секретариату ССА. Ими представлены соответствующие «свидетельские справки», которые суд приобщил к делу. Суд принимает решение в пользу истца.

= Осенью 1986 г. киевский социолог **Р. Ленчовский** обращается в редакции газет «Правда» (Д. Новоплянский) и «Литературная газета» (Л. Графова), с целью обратить их внимание на «дело Алексева». Контакт с «ЛГ» потом получил продолжение.

= На пленуме Советской социологической ассоциации в ноябре 1986 г. московский социолог **А. Назимова** доводит до сведения присутствующих информацию о решении суда по иску А. к секретариату ССА и излагает свою позицию по вопросу о «деле Алексева».

= На отчетно-выборной конференции Ленинградской организации Союза журналистов СССР в январе 1987 г. ленинградский журналист **Г. Зяблова** отправляет записку в президиум с предложением вернуться к вопросу о членстве А. в СЖ, из которого он был исключен в августе 1984 г.

= В январе 1987 г. киевский социолог **В. Хмелько** обращается с письмом в Центральную ревизионную комиссию Советской социологической ассоциации с письмом, в котором излагает свою точку зрения на «дело Алексева». Аналогично — киевский социолог **В. Паниотто**. Аналогично — московский социолог **М. Борщевский**.

= В феврале 1987 г. ленинградский журналист **Т. Дурасова** отправляет в редакцию журнала «Огонек» письмо, имеющее целью привлечь внимание журнала к «делу Алексева».

= В начале 1987 г. член Центральной ревизионной комиссии КПСС, 2-й секретарь Ленинградского обкома КПСС **А. Фатеев** проявляет интерес к аналитической записке А. для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки», от января-апреля 1986 г., ранее оставленной без внимания партийными органами. В мае 1987 г. он приезжает на завод, специально для того, чтобы вернуть записку, и подает А. совет еще раз обратиться в обком КПСС за пересмотром своего дела, несмотря на все предшествующие отклонения его апелляций (включая апелляцию съезду партии).

= На отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. социолог **А. Ющенко** выступает с изложением своей точки зрения по вопросу о «деле Алексева». О своей позиции в данном вопросе публично заявляют там также социологи **Б. Максимов** и **П. Шелищ**. **А. Ющенко** предлагает кандидатуру А. в состав бюро Ленинградского отделения ССА. На этом отчетно-выборном собрании А. избран членом бюро ЛО ССА и делегатом на VI Всесоюзную отчетно-выборную конференцию ССА.

= На состоявшемся вслед за тем собрании ЛО ССА (март 1987), посвященном принятию окончательного текста решения предыдущего собрания, социологи **О. Божков**, **А. Вейхер**, **Б. Максимов**, **Г. Саганенко**, **И. Травин** в своих выступлениях настаивают на включение в резолюцию пункта об отмене январского (1986 г.) решения ЛО ССА об исключении А. из рядов ССА. (Такой пункт в резолюцию был внесен).

= На VI Всесоюзной отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. **Р. Ленчовский** зачитывает текст выступления А. (который сам приехать на конференцию не смог). Московские социологи **Н. Валентинова**, **Л. Гордон**, **Б. Ракитский**, **С. Чесноков**,

а также **В. Хмелько** (Киев) в своих выступлениях публично заявляют о своей позиции по вопросу о «деле Алексеева». **В. Хмелько** предлагает его кандидатуру в состав Центральной ревизионной комиссии. (А. избран членом этого органа ССА).

= В марте 1987 г. **Р. Ленчовский** встречается в Москве с корреспондентом «Литературной газеты» Л. Графовой и передает ей составленный им комплект из документов, освещающих «дело Алексеева».

= В апреле-мае 1987 г. корреспондент «Литературной газеты» **Л. Графова** приезжает в Ленинград в командировку и проводит серию бесед с разными людьми на ПО «Ленполиграфмаш» и в ИСЭП АН СССР по этому вопросу.¹⁴

= В апреле 1987 г. рабочие ПО «Ленполиграфмаш» **В. Земсков, Е. Рыжов** и **А. Сыцевич** представляют в Ленинградский городской народный суд «свидетельские справки», в которых излагают известное им по вопросу о трудовом споре А. с цеховой администрацией («дело о 10-минутном опоздании с обеда»). Редактор многотиражной газеты завода **Н. Харькова** представляет в Ленгорсуд справку о рабковской деятельности А. и характере реакций администрации на его критику.

= В апреле-мае 1987 г., по письму **Т. Дурасовой**, в Ленинград приезжает корреспондент журнала «Огонек» **В. Белецкая**. Она проводит ряд бесед на ПО «Ленполиграфмаш» и в партийных органах, по вопросу о «деле Алексеева».

= На цеховом партийном собрании в мае 1987 г. рабочий ПО «Ленполиграфмаш», член КПСС **А. Сыцевич** голодает против проекта характеристики на Алексеева, предложенного партийным бюро.

= В мае 1987 г. тартуские социологи, члены КПСС **Р. Блом, Е. Голиков, П. Вихалемм, М. Лаурисгин** обращаются с письмом к секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву, в котором излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В мае 1987 г. зам. главного редактора журнала «ЭКО» **В. Быков** обращается к А. с официальным предложением о подготовке серии статей для журнала.

= В июле 1987 г. редакция журнала «Знание-сила», в лице сотрудника журнала **И. Прусс**, обращается к А. с просьбой дать журналу интервью.

= В июле 1987 г. ленинградские социологи, члены КПСС — **А. Баранов, А. Вейхер, В. Вишаренко, Г. Галкина, В. Голофаст, Б. Докторов, Л. Кесельман, В. Костюшев, Т. Протасенко, А. Сарно, А. Седов, И. Травин, С. Файбушевич, П. Шелиш, А. Ющенко** обращаются с письмом в Ленинградский обком КПСС, где заявляют о своей позиции по вопросу о партийном деле А.

= В июле 1987 г. сборкор газеты «Известия» в Ленинграде **А. Ежелев** предлагает А. выступить в этой газете с ответами на вопросы анкеты «Октябрь. Перестройка. Мы». Он же в августе 1987 г. инициативно выражает свою точку зрения по вопросу о «деле Алексеева» в беседах с различными официальными лицами.

= В августе 1987 г. редактор многотиражной газеты ПО «Ленполиграфмаш», член КПСС **Н. Харькова** публично заявляет о своем несогласии с проектом характеристики на А., подготовленным комиссией парткома объединения.

= В августе 1987 г. рабочие цеха № 3 ПО «Ленполиграфмаш» **Бельмак, А. Брикач, М. Гуцин, В. Ильин, Р. Мартиросян** (член КПСС), **И. Михайлов, В. Николаев, В. Носов, Рыбаков, Е. Рыжов, С. Русинов, С. Самойлов** (член КПСС), **Стрельцов, А. Сыцевич** (член КПСС), **А. Сергеев, А. Шапкин** обращаются в Ленинградский обком КПСС с письмом, в котором заявляют о своем несогласии с характеристикой на А., утвержденной на парткоме объединения.

= В августе 1987 г. киевские социологи, члены КПСС **В. Хмелько** и **Р. Ленчовский** обращаются в Ленинградский обком КПСС с письмом, где излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А. и настаивают на пересмотре его

персонального дела. (Вспоминаю одну из «формул» этого письма: «Просим рассматривать выраженное выше как своего рода «свидетельские показания» Ленинградскому обкому партии, за правдивость которых мы несем партийную ответственность...»).

= В сентябре 1987 г. московские социологи и историки, члены КПСС **Л. Гордон, Э. Клопов, А. Назимова, Ю. Мархашов** обращаются с письмом к члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК А. Яковлеву, где излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А. и высказывают озабоченность его научной судьбой.

= В сентябре 1987 г. **В. Ядов** пишет для журнала «Огонек» отзыв на эксперимент социолога-рабочего, в котором дает работе А. высокую научную оценку.

= В августе московский историк **Ю. Мархашов** знакомит первого заместителя редактора журнала «Огонек» Л. Гущина с материалами, относящимися к делу А.

В сентябре 1987 г. специальный корреспондент журнала «Огонек» **А. Головков**, приехав в командировку в Ленинград, проводит серию бесед с разными людьми на ПО «Ленполиграфмаш», в ИСЭП АН СССР и в ленинградских партийных органах по вопросу о «деле Алексеева».¹⁵

Вряд ли этот обзор является исчерпывающим. (Некоторые гражданственные шаги могли остаться мне неизвестными!).

Повторяю, здесь — факты и события *только* гражданской защиты (публичной, как было сказано), с апреля 1984 г. по настоящее время (*сентябрь 1987 г. — А. А.*)

Эта открытая защита вместе с дружеской поддержкой составляет тот ближайший контекст, в котором разворачивалась моя собственная *самооборона* (Тебе хорошо известная). Понятно, что эта последняя была опережающей — относительно гражданской защиты «со стороны». Однако она была вполне синхронной с дружеской поддержкой.

В более широком (историческом) контексте, как мы знаем, чего только не было! Но это обозреть сейчас у меня нет возможности.

В отличие от своего обыкновения, пишу это письмо Тебе не от руки, а сразу печатаю на машинке. Чем отчасти демонстрирую его (письма) не сугубо личный, а общественный и, если угодно, *гражданский* характер.

Андрей Алексеев, июнь-сентябрь 1987

Со-умышленники, со-участники, со-авторы...

В ходе своей самообороны от политических обвинений социологу-испытателю довелось обращаться за помощью и советом ко многим людям. Особое значение имели «внутренние рецензии» на всевозможные заявления и апелляции в официальные инстанции.

Многие из приведенных выше документов (*имеются в виду собственные тексты автора, в настоящей подборке не представленные. — А. А.*) настолько тщательно обсуждались в дружеском кругу, что, в сущности, являются продуктами коллективного творчества.

В архиве сохранилась шутливая «расписка», которая заслуживает быть приведенной здесь:

«А. Н. Алексеев выражает свою признательность за участие в его работе над текстом от 28.07.85 (*судя по дате, речь идет об апелляции в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. — А. А.*) следующим лицам, ниже обозначенным как «специалисты»:

а) по Достоинству; б) по Стратегическому подходу; в) по Органике; г) по Методологии и Технике; д) по Нравственной корректности; е) по Наступательным операциям; ж) по Структурным и Тактическим вопросам; з) по Жизненной целесообразности; е) по Разумности.

Поди собери — такой букет! А. А. Июль 1985 «.

14 Очерк Лидии Ивановны Графовой, под названием «Преодоление пределов», был опубликован в «Литературной газете» 23.09.87.

15 Очерк Анатолия Эммануиловича Головкова на эту тему, под названием «...мир погибнет, если я остановлюсь», был опубликован в журнале «Огонек» в мае 1988 г., № 19.

В каждом из этих определений автор в свое время закодировал конкретное лицо (не желая тогда разглашать имена своих добровольных помощников). К сожалению, по прошествии 15 лет уверенная идентификация (раскрытие всех «псевдонимов») оказалась невозможной.

По крайней мере троих «доверенных лиц» хочется упомянуть особо. Это — Леонид **Кесельман**, Геннадий **Климентов** и Александр **Ющенко**.

Без предвзвешенной критики и «цензуры» каждого из них, в 1983-1986 гг. в официальные органы не ушел ни один документ (от письма начальнику УКГБ ЛО Носыреву до записки для ЦК КПСС об эксперименте социолога-рабочего и его общественно-политических уроках).

Замечания, советы друзей и коллег иногда совпадали, а иногда и противоречили друг другу... Окончательное решение, понятно оставалось за автором этих строк.

Как видно, Со-умышленников, Со-участников, Со-ратников, и, если угодно, Со-авторов — у социолога-испытателя было тогда побольше, чем могли себе представить или «вычислить» его явные и негласные оппоненты.

А. А., январь 1997

Р. С. Затрудняясь сегодня соотнести каждый из «псевдонимов» с конкретным лицом, все же назову «списком» тех, кого, вероятно, имел в виду в своей шутиливой расписке 1985 г.:

— Рэм Георгиевич **Баранцев**; Валерий Дмитриевич **Глухов**; Леонид Евсеевич **Кесельман**; Геннадий Александрович **Климентов**; Владимир Никифорович **Павленко**; Сергей Михайлович **Розет**; Юрий Анатольевич **Шеголев**; Александр Николаевич **Ющенко**; кто-то еще один.

(Из восьми перечисленных трое в ту пору были членами КПСС; все — ленинградцы-петербуржцы). <...>

А. А., апрель 2000

Ремарка: «...грех не воспользоваться уникальной возможностью!»

События 1983-1984 гг. (обыск, официальное предостережение органов госбезопасности, исключение из КПСС...) дали основание социологу-рабочему написать в личном письме: «Признаться, я не планировал эти предметы исследования, но грех не воспользоваться уникальной возможностью...».¹⁶ Поле исследования, сфера наблюдающего участия «существенно расширились и переструктурировались».

Сама же, «драматическая социология», как видно, оказалась в середине 1980-х гг. своего рода «оселком», таким (не намеренно...) провокативным воздействием на социальную среду, которое позволило в дальнейшем не только детально исследовать «анатомию» идеологического преследования, но и обнаружить потенциал коллективного сопротивления ему. (Июль 2006).

* * *

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СТРАСТИ, ИЛИ КАК МЫ БОРОЛИСЬ С ДВУХСМЕНКОЙ. 1986

Несколько вступительных слов

Ниже — тематизированное извлечение из книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (том 3). В центре рассмотрения — сюжет производственной жизни конца «эпохи застоя» и начала «перестройки», достаточно ярко характеризующий ситуацию глубокого кризиса «административно-командной системы» и особенности поведения разных социальных субъектов в этой ситуации. Сам по себе этот сюжет (навязываемый сверху двухсменный режим работы) может показаться сегодняшнему читателю архаичным... Однако тема бессмысленной кампанийщины во всех областях нашей жизни не стареет.

¹⁶ А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 2. СПб.: Норма, 2003, с. 18.

Данный эпизод наглядно иллюстрирует практику применения метода «наблюдающего участия» и «моделирующих ситуаций». Функцию «исследовательских протоколов» здесь выполняют письма: одно — в газету, другое — личное письмо другу. (Июль 2006).

Письмо группы слесарей цеха № 3 в редакцию многотиражной газеты ПО «Ленполиграфмаш» (ноябрь 1986)

Для дела или для рапорта?

Известно, что главный смысл перехода на двух- и трехсменную работу — это повышение фондоотдачи, максимальная загрузка нового, прогрессивного оборудования. Двухсменка — не самоцель, а средство достижения более высокой эффективности производства.

Но вот что получилось из этого в нашем третьем цехе. Еще в октябре все бригады токарей, фрезеровщиков, слесарей разбили пополам. Одна половина работает утром, другая — вечером (по очереди). При этом используются не современные станки, а старые, с «возрастом» от двадцати лет и старше. Загрузка же высокопроизводительного оборудования осталась прежней (порой и на одну смену работы не хватает).

В условиях дефицита станочников станки днем стоят, а вечером крутятся. Особенно нелепо получается со слесарями, где велика доля ручного труда.

Для чего же такая двухсменка? Доводы, выдвинутые начальником цеха А. А. Косачевым, по меньшей мере странны: необходимость ритмичного расходования электроэнергии и разгрузка общественного транспорта. Понятно, что к повышению фондоотдачи это никакого отношения не имеет.

Подобные аргументы приводятся, видимо, постольку, поскольку неловко признаться в другом: поспешный, не обеспеченный ни оборудованием, ни технологией, ни кадрами, «поголовный» переход на работу в две смены совершается не столько для пользы дела, сколько для рапорта.

Получается явный перегиб, профанация двухсменки. <...>

Административное усердие в формальном насаждении двухсменки имеет и еще одну причину. Это недоверие к опыту самих исполнителей, рабочих. Ведь бригада, получив задание, сама может организовать свой труд. И сколько раз бывало — возникнет «узкое место» — мы сами оперативно организуем двухсменную работу на нужном участке. Не для формы, не напоказ, а для конечного результата.

Этот порядок следует восстановить (исключая, разумеется, станки с ЧПУ, которые нуждаются в постоянной двухсменной эксплуатации).

А во внедрении двухсменки сегодня главное внимание следует уделить технологической подготовке производства и переводу все большего количества номенклатуры на современное высокопроизводительное оборудование.

А. Алексеев, В. Косильников, Е. Рыжов, В. Николаев, М. Гушин, А. Брикач, С. Русинов, В. Носов, В. Ильин, А. Сыцевич, слесари цеха № 3¹⁷

«...повсеместно и бездумно — до полного идиотизма»

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (ноябрь — декабрь 1986)

Дорогой Роман!

<...> «Внеплановым» вложением в этот конверт является пока еще не опубликованный текст письма в редакцию заводской газеты — от 10 слесарей нашего производственного участка, насчет бюрократических извращений с двухсменкой, которую вдруг начали насаждать повсеместно и бездумно, до полного идиотизма.

¹⁷ Опубликовано в газете «Трибуна машиностроителя», 26 ноября 1986 г.

Мы затеяли написать это письмо втроем. Но крут «подписантов» расширили почти независимо от меня. Дело было во вторник, **18 ноября** (следы за датами!). Редакция решилась на публикацию, не без колебаний...

Коммунисты нашего участка, поддержав на словах, подписываться под письмом не стали (ведь на партбюро вызовут!). Беспартийные отнеслись к их уклончивости в общем с пониманием («им, партийным, нельзя...»). Зато высоко оценили поступок моего бригадира, коммуниста А. Сыцевича (хоть его подпись и была последней).

Вся эта акция поначалу носила «крамольный» характер. Как вдруг мы получили мощное подкрепление: городская газета «Ленинградский рабочий» вышла в минувшую пятницу, **21 ноября**, с 2-х подвальной статьей наладчика станков с ЧПУ А. Ефимова с Кировского завода: «Проблемы двухсменной работы. Ради цифры в отчете». Выступление «ЛР» и наше письмо в заводскую газету совпали и в аргументации, и в выводах, и даже в некоторых словесных оборотах.

(Можно подумать, что, сочиняя свое письмо, мы уже были знакомы с этой публикацией. Что это не так, видно хотя бы по датам).

Теперь, после выступления «газеты обкома КПСС» <...> нашей многотиражке уже просто нельзя не напечатать письмо 10 слесарей из 3-го цеха.

Могли бы даже и коммунисты подписаться... Да вроде опоздали.

Теперь — «историческая» справка.

У нас в цехе двухсменку ввели сперва полуофициально (т. е. без приказа), **с начала октября**. Я это «пожелание» администрации игнорировал, поскольку тогда бы мой станок днем стоял. Игнорировали и некоторые другие, по разным причинам (т. е. выходили на работу в утро, а не в вечер).

Ввиду такого «саботажа», уже в середине ноября (а именно — в пятницу, **14 ноября**) было вывешено распоряжение, с пофамильным списком — разбиение по сменам. Оно было без даты и номера («небрежность» администрации, объясненная тем, что книга распоряжений находится-де «на проверке» у юриста).

Ну, своим звонком заводскому юристу Никитиной я вынул проставить номер и дату, что и было сделано — **17 ноября** (понедельник).

Так это распоряжение «вошло в силу», и стало можно... его отменять. И вот на следующий день 18 ноября возникло письмо десятирех слесарей.

В пятницу, **21 ноября**, еще не будучи вполне уверен, что заводская газета напечатает наше письмо, я «неформально-публично» (т. е. в бригаде) объявил, что в понедельник, вопреки графику, все-таки выйду в утреннюю смену. Чем дам администрации повод отстранить меня от работы.

Моя «легенда» сводилась к следующему: работы на ПКР (**пресс кординатный с револьверной головкой**. — А. А.) сейчас много, вся — срочная; меня просили выйти сверхурочно, в эту субботу (!); я сказал, что, к сожалению, не могу; но вот теперь, «идя навстречу интересам производства», выхожу в понедельник утром, вместо вечера (!).

<...> Одно замечание, в скобках: если принять общественную реактивность твоего корреспондента за постоянную величину, то ускорение, динамизм общественной жизни эмпирически подтверждаются фактами сокращения временного разрыва между его индивидуальными действиями и соответствующими общественными событиями.

Так, если с «ожиданием перемен» я поспешил на несколько лет, то с указанием на «приспособляющееся противодействие» и «сопротивление перестройке» опередил Горбачева всего на несколько месяцев.

Что же касается двухсменки, то «Ленинградский рабочий» и вообще наступил рабочему-социологу на пятки. Едва успели написать в заводскую газету, как уже вышла городская...¹⁸

18 Вышеприведенная часть письма написана, по-видимому, 22-23 ноября 1986 г. Остальное — уже после 26 ноября, когда вышла в свет заводская газета с заметкой «Для дела или для рапорта?».

<...> Уж коли включил я Тебя в ситуацию с нашей двухсменной, продолжу, поскольку и Тебе интересно, и мне потом не забыть.

В понедельник, **24 ноября**, выйдя, как обещал товарищам, в первую смену вместо второй, я вывесил на не слишком видном месте пятничным номер «Ленинградского рабочего». И предложил всем своим соавторам (10 слесарей) — почитать. Выступление городской газеты было встречено, понятно, с интересом и удовлетворением.

Женя Рыжов заметил ревниво: «Хорошо написано, но и наша заметка не хуже!». Я сказал, что **мы**-то написали неплохо, но **пока** еще не напечатано, и наше письмо запросто могут «подпортить»...

Работа у меня, напомним, срочная, аварийная. Мастер Гоша ко мне, было, с претензией, что я вышел утром, а не вечером. Я посоветовал ему... отстранить меня от работы. Тот сбегал к начальнику цеха Косачеву и больше не возникал. Я же перевесил газету на более видное место.

Отштамповав детали, которых ждали на сборке, в обед иду в редакцию «Трибуны машиностроителя». Мне дают гранки <...>. Письмо 10 слесарей готовила к печати не Наташа Поречная (на которую можно было бы положиться), а другой сотрудник редакции.

Тот сильных выражений, вроде «профанации», не выбрасывал, но редактировал неуклюже и, действительно, «подпортил»...

Сам корреспондент куда-то вышел, а я выразил неудовольствие редактору Н. Н. Харьковской. <...> Нина Николаевна очень занята и говорит: «Ну, поправьте сами».

Тогда веду себя почти как Л. Толстой с версткой «Войны и мира» — переписываю всю заметку, в междустрочьях и на полях, иногда возвращая к первоначальному варианту, иногда формулируя заново.

Подошедший корреспондент покорно берет текст, чтобы перепечатать его. Рабор стал редактором, сотрудник редакции — машинисткой... Все — «вверх дном». <...> Я поставил на гранке — «визу»: «По доверенности всех авторов. А. Алексеев. 24.11.86. 13 час.»

Вся эта операция была проведена за час до того, как отправлять листы в типографию. Вернувшись в цех, я доложил своим соавторам, что заметка приведена к виду, за который нам не будет стыдно...

Во вторник, **25 ноября**, я снова вышел в утреннюю смену, вместо вечерней, причем, оказалось, не один.

Нас **отстранили от работы**, когда пришло начальство (в 9 час.). Тогда Витя Носов пошел спать, Вася Николаев — в здравпункт, а я... поехал на Фонтанку, в редакцию «Ленинградского рабочего».

Мы трое, попавшие в одну «команду», представляли три разные позиции в этом конфликте с администрацией. Васе — «ничего не надо», только ему вечером не получить необходимого ему диетпитания и на свою электричку после вечерней смены он не поспевает. Витю вечерняя смена как раз устраивает, и вышел он нынче в утро вовсе не из протеста, да уж так получилось... Я же — борец с административной дуростью.

<...> Вернувшись из редакции на завод, я дисциплинированно отработал вечернюю смену. В этот день — не до половины первого¹⁹, а до половины одиннадцатого. На основании ехидного заявления:

«Прошу предоставить мне отгул сегодня 25.11 с 22 час. 32 мин. до 0 час. 32 мин. за время отработанное сегодня же, утром (с 7 час. 08 мин. до 9 час. 08 мин.)».

Очень ежился мастер Гоша и хотел, чтобы я переписал заявление: «Прошу предоставить мне отгул... за ранее отработанное время». Я насмешливо посоветовал ему — отказать мне по той именно причине, что в заявлении указано, когда именно было «ранее» отработано.

19 Тогда метрополитен в Ленинграде работал до 1 часа ночи.

Какая уж там «скрытая камера» социолога!.. Администрация вынуждена функционировать словно перед телевизионной камерой, в свете юпитера.

Все эти события детальнейшим образом обсуждались на участке.

Такого изобилия и плотности «мироотношенческих» диалогов и монологов, как вчера вечером, уж и не припомню. Жаль, некогда пересказывать.

После вечерней смены во вторник, я явился на завод в среду, **26 ноября**, к 8 утра (смена, напомним, начинается в 7-08). Мне нужно было в здравпункт (хотя это — скорее повод).

Захожу в цех и предлагаю мастеру завизировать... уже сегодняшнее заявление от 26 ноября, в котором предлагаю («в интересах производства!»), свой выход на работу 26 ноября не с 16 до 0-30, а с 8 до 17, «для скорейшего завершения штамповки партии «Ф-...» и наладки следующей, тоже срочной...».

Мастер Гоша в панике. «Ловушка!» (Небось вспомнил, как в прошлом году залетел в истории с моим, впоследствии отмененным, выговором). Согласиться нельзя (двухсменка же!) и отказать нельзя (ведь действительно — в интересах производства!). От визы отказывается.

Ладно. К начальнику цеха. Тот вызывает к себе мастера. Почему тот не написал своего мнения? Но ведь и у начальника положение не легче...

Единственный для них выход — создать видимость, что на моем станке днем работает кто-то другой.

Но бригадир, который вообще-то справился бы, категорически отказывается — «не обучен» (крыть нечем, у него формально нет разряда штамповщика). Остается 18-летний Сережа Барсуков (мой очередной ученик), который только и успел, что выучить на станке две кнопки и может на ПКР «стучать», когда все налажено и ничего не расстроилось. Кстати, он работает в цехе предпоследнюю неделю (увольняется!).

Сережу, мирно слесарившего, тут же «волокут» к станку.

А начальник цеха на моем заявлении размашисто пишет: «Не разрешаю, т. к. в дневную смену будет работать Барсуков».

Когда мастер Гоша ушел, начальник цеха вдруг говорит:

— Вот теперь, когда мы остались вдвоем, я хочу спросить Вас, А. Н., а на х-я.....?!

Так, думаю, надо отвечать, и адекватно.

—.....!! — говорю. — Не бойсья (*на «ты»!* — А. А.), что у меня микрофон в кармане?

Тот едва не поверил, т. к. я (пока не ясно, разрешат ли мне работать в утро) не передевался в робу и был в широком плаще.

Как справедливо писал автор «Записок инженера» Ю. Шишенок (Новый мир, 1986, № 6), «настоящее участие в производстве жажду в страстях удовлетворяет с лихвой»...

Ухожу. До начала вечерней смены (16 час.) мне на заводе делать нечего.

Несколько часов спустя. По дороге в цех, беру в редакции «Трибуны...» несколько экземпляров только что вышедшего номера газеты с нашей заметкой «Для дела или для рапорта?» (заметка, как Ты мог заметить, сутубо проблемная и персональной критики не содержит). Вывесил на участке, на видном месте. <...>

Читали все, даже с другого участка приходили.

Сережа Барсуков, на удивление, отработал без приключений (все ему было налажено, да и бригадир рядом). Я исправил его брак в двух деталях, закончил партию.

Стал налаживать следующую. К 17 час. к моему станку подходит технолог Л. Кутырина. Она у нас по совместительству кассиром. Мне была вручена премия (75 руб.), за победу в социалистическом соревновании в III квартале. <...>

При наладке очередной партии деталей (там очень сложная и трудоемкая наладка!) обнаружилось, что в кладовой не хватает нужной оснастки (есть, но неисправная). В таких случаях обращаются к технологам: чем заменить?

Кутырина, дежурящая от администрации сегодня вечером, — самый осведомленный (из начальства) в ПКР-ской технологии человек, к тому же — нач. бюро технической подготовки. После получасовых поисков по заводскому стандарту ПКР (известному мне чуть не наизусть), она предлагает замену. Но при этом невнимательно посмотрела в чертеж, на что пришлось ей указать. Ее предложение отпало.

Еще полчаса поисков ею выхода из положения — безуспешно. Звонить конструкторам, за разрешением об отклонении от чертежа — некому (вечер!). Истерика Кутыриной: *я не могу* Вам предложить замены (инструмента) и *не могу* разрешить Вам пользоваться неисправной оснасткой! (Намек — если бы Вы пренебрегли моим запрещением, было бы хорошо).

Тем временем закрывается кладовая (19 час.). Переналаживать на другую партию деталей уже поздно, да эта — и самая срочная.

Формально я подчиняюсь мастеру. Мастер в этот вечер — не Гоша, а с токарного участка, он вообще не в курсе слесарных дел.

Раз нельзя работать на станке — возьмите слесарную работу у Виноградова, говорит (он даже не знает, что я уже два года как в бригаде Сыщевича).

Мой бригадир успел отработать сегодня в день. Нас из бригады сейчас трое. Консервирую наладку, выключаю станок, спрашиваю у Вити Носова (слесарь из нашей бригады), нет ли чего для меня.

Бригадир ему ничего не наказывал. Разве только помогать глухонемому... Беру напильник и с 19 до 24 час. запиливаю грады, вместо того чтобы делать *сверхсрочную* работу на ПКР!

Утром бригадир Сыщевич (Толик) и мастер Соколов (Гоша) будут ломать голову, почему не отштампована «Ф-...». В отличие от постороннего мастера, им этот простой — зарез.

Будут все валить друг на друга, возможно, и на меня, который, пожалуй, мог бы, в отличие от Кутыриной, придумать, чем заменить неисправную оснастку, да и на неисправной сумел бы выпустить годную деталь.

Но тогда не следовало обращаться к технологам. А коли обратился, да еще в вечернее время, то вот и результат.

Ну, остается добавить, что мое «высокопроизводительное оборудование» скорее всего простоит (а «аварийная деталь» пролежит) до 16 час. сегодняшнего дня 27 ноября (четверг). Ибо кроме меня вообще некому эту деталь наладить (в данном, не стандартном случае не сумеет и бригадир).

А я, как Ты понимаешь, выхожу сегодня опять в вечер (согласно графику).

Вот такие гримасы «Интенсификации-90» и дуболомно-го внедрения двухсменки...

<...> Придя на работу во вторую смену в четверг, **27 ноября**, я, разумеется, застал ситуацию почти в неприкосновенности, да еще с «нюансами», подвигшими меня на служебную записку начальнику цеха, датированную завтрашним числом. Не пересказываю, прилагаю ее текст. <...>

(Смысл записки будет ясен из дальнейшего рассказа. — А. А.)

..Когда **28 ноября** (пятница) я вышел на работу с этой запиской в кармане, оказалось, что наш начальник цеха Косачев... уже переведен в другой цех (и накануне об этом, разумеется, знал; ходили и у нас такие слухи, почему я и не проставил фамилии начальника в тексте).

Его место занял Н. Ярош (упомянутый в записке в качестве зама). Ну, не соскучишься...

Я бы не поцеремонился и новому начальнику вручить, в первый день его заступления. Да не оказалось в пятницу Вани Смирнова, инструментальщика-контролера, с которым надо было посоветоваться.

Дело в том, что именно Ваня перемаркировывал мою оснастку с № 4204 на 4205 (чтобы я «имел право» ее использовать; в сущности «подделка» документов, только в металле). И я отложил до понедельника.

А в понедельник, **1 декабря**, узнал, что незаконную перемаркировку эту он делал... «по своей инициативе», и Кутырина все свалила бы на него. А Ваня — свой брат, зачем его подводить...

Так и осталась моя «убийственная» записка на эту тему не поданной, хоть в пятницу вечером и повторилась аналогичная ситуация (нет инструмента, технолог навязывает рабочему нарушение, и т. д.).

Как видишь, далеко не каждый поднятый с земли булыжник я швыряю. («Булыжник — оружие пролетариата»).

<...> Следующую неделю (т. е. нынешнюю) я работаю в утро. Напряженность вокруг моего ПКР нарастает. Сменщика у меня нет, а прошлую неделю, работая во вторую смену, я наполювину потерял.

Бригадир Сычевич разрывается между двумя мотивациями: надо «делать деньги» (а денег без моего ПКР не набегают), и надо проучить администрацию. <...> Он созревает до социального (не производственного!) задания мне. Ты только послушай, что мне говорит бригадир:

— Дело не только в двухсменке, а в социальных условиях рабочего класса. Я тебе, Андрей, такую тему даю!

Мда...

Я предупреждаю бригадира, что на днях «ложусь» на операцию (строго говоря, не ложусь, а иду, амбулаторно, но поскольку операция на правой руке, то неизбежно освобождение от работы).

<...> При встрече на пересменке **2 декабря** (вторник) бригадир говорит:

— Работы до х-я. Я тебе тут список приготовил, в какой очередности делать.

— Это ты его себе приготовил, — говорю ему сочувственно. — У меня операция назначена на завтра...

Бригадир застывает в задумчивости и вдруг многозначительно говорит: «Отлично!» (за невозможностью реализовать первую мотивацию, он дал волю второй).

Старший мастер Соколов «в трауре». Понимает — достукался.

Они стоят с бригадиром у моего станка и невесело сощещаются. Уходя, прощаюсь с бригадиром, мастера Гошу не замечаю, ему сочувствовать и даже лично предупреждать о своем предстоящем недельном отсутствии я не обязан, вернее — он «не заслужил». <...>

(Операцию мне сделали сегодня, **3 декабря**. Ее, кстати, в самом деле нельзя было дальше откладывать). <...>

P. S. За время моего пребывания на бюллетене ситуация в цехе, как и следовало ожидать, радикально не изменилась. Я же, добытым себе к тому времени медицинским освобождением от вечерней смены (не буду отвлекаться на этот побочный сюжет!), пожалуй, усугубил «затруднения» администрации.

Последней, если бы вдруг она и сумела загрузить ПКР на две смены, пришлось бы теперь давать мне **двоих** учеников (ведь даже, имея я сменщика, он не может **всегда** работать в вечернюю смену).

Впрочем, подобными справками обзаводились и другие — кто как сумел.

Когда я вышел на работу в утро, после 2-недельного отсутствия, бригадира не застал: он нынче — в вечер.

А. С. появляется с обеда (надо же как-то бригадой руководить!). Спрашивает:

— Гоша (мастер) не ох-л, когда тебя увидел?

— От радости или от ужаса?

— От радости, конечно. Он ко мне так приставал про тебя... Так я, чтобы отвязаться, сказал, что ты сегодня выйдешь, мол, звонил. Надо ж так угадать!

Мастер волновался не напрасно. За две недели бригадир наладил, а Сережа (ныне уже уволившийся!) отштамповал всего две партии.

Мастер Гоша настаивал, чтобы бригадир сам становился за ПКР. А тот — делает это только в самых крайних случаях. Он, как бы это сказать, мой станок «не любит». И, пожалуй,

даже побаивается — не станка, как такового, разумеется, а всех связанных с ним технологических и организационных безобразий, которые я для бригады как-то амортизирую.

Так что радовались моему появлению на работе даже те, кому от меня худо. <...>

Обнимаю Тебя!

Твой Андр. Ал., ноябрь-декабрь 1986

«Гримасы» перестройки и триада социологического познания

Автостенограмма выступления на отчетно-выборном собрании Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации (март 1987)

Уважаемые коллеги!

Я думаю, на сегодняшнем собрании уместно говорить не только о наших сугубо профессиональных, социологических делах. Писатели на своем съезде, как известно, обсуждали не только писательские проблемы. Жгучим проблемам жизни отдавалось предпочтение перед узкоцеховыми сюжетами. Вот и нам, социологам, думается, стоит выйти за рамки научно-организационной темы.

Расскажу о новом общественном явлении, которое даже нынешняя, обновляющаяся публицистика пока обходит своим вниманием. Тем более не раскачалась социология. Цитирую небольшую заметку из заводской газеты ПО «Ленполиграфмаш», от 26.11.86. Называется: «**Двухсменка: для дела или для рапорта?**». Авторы — десятеро рабочих, слесарей механического цеха (среди них и я). <...>

(Здесь опущен зачитанный автором текст публикации в газете «Трибуна машиностроителя»; см. выше. — А. А.)

Авторы цитированной заметки оказались не одиноки. Примерно так же внедрялась двухсменка и на других предприятиях Ленинграда. Недоумение, рабочая критика этой показухи выплеснулись на страницы ленинградской печати. <...>

(Здесь опущены зачитанные автором цитаты из публикаций городских газет. — А. А.)

Вокруг этой скромной заметки у нас на «Полиграфмаше» разгорелись страсти. Чрезвычайное богатство социальных связей и противоречий перестройки, столкновение интересов — раскрыл этот эпизод!

Генеральный директор объединения публично заявил, что многотиражная газета допустила «антивыступление» (так и сказал!). «У нас (т. е. у него, директора) нет никаких сомнений, вопрос назрел четко, нечего тут дискутировать. Есть партийная установка на двухсменку, нельзя на этих слесарях строить политику... А редактора газеты следовало за эту заметку депремировать», — заявил генеральный директор. Вот такая административная отповедь... И говорилось все это не когда-нибудь, а в дни январского Пленума.

«Издательством над здравым смыслом, над большим государственным делом» назвал месяц спустя, выступая на XVIII съезде профсоюзов, подобную практику внедрения двухсменки М. С. Горбачев. К тому времени и наша заводская администрация созрела для официального ответа через газету «этим слесарям». Их критика в многотиражке была признана правильной. Но при этом утверждалось, будто введение двухсменки «позволило цеху решить ряд острых проблем»... (Трибуна машиностроителя, 25.02.87). И все осталось без перемен.

Это было в феврале. А в марте на «Полиграфмаше» затрещал план. Думаю, во многом — из-за внесенной «поголовной» двухсменкой дезорганизации. И вот в середине марта на цеховой доске объявлений появилось многозначительное распоряжение: «В связи с производственной необходимостью (!) временно перевести в односменный режим работы следующих рабочих...». И список: добрая половина цеха.

Поговаривают (в рабочей среде), что цеховое начальство именно двухсменкой пытается теперь объяснить срыв февральской программы.

II

Так что же это за явление, которое еще и имени не получило, не говоря уж о социологическом осмыслении? Я бы назвал это — одурчением, или гримасами перестройки. Профанация перестройки — это страшнее «сопротивления» ей... Это такое приспособляющееся противодействие, когда сам противодействующий полагает себя добросовестным перестройщиком. Он иначе просто не может, не умеет.

Новые задачи пытаются решить старыми способами. Моделей тут несколько. Например, выдвигается общественно значимая цель. Разрабатываются средства для ее достижения. Затем спускается разрядка или отчетный показатель — по внедрению средств. В итоге, средства абсолютизируются (вроде «кукурузы» в свое время). И замещают цель в сознании бездумных исполнителей. Отчасти, так и произошло с двухсменкой.

Или другая модель: достижение цели «любой ценой», за счет средств, совершенно ее дискредитирующих. Например, надо, чтобы росла производительность труда. Но новая техника остается не загруженной, простаивает по разным причинам. Тогда ужесточают нормы (или, говоря «по-рабочему», срезают расценки) на старых рабочих местах. Понятно, без всяких организационно-технических мероприятий, которые оправдывали бы этот пересмотр. Все для того, чтобы показать, что производительность труда все-таки «растет», неважно как. И, вместо интенсификации производства, получается элементарная интенсификация живого труда.

Однако такая потогонная система не срабатывает. И возникает необходимость в сверхурочных, в том числе скрытых (т. е. как бы добровольных, чтобы рабочему удержаться хотя бы на прежнем уровне зарплаты). Могут вас заверить, что за последние семь лет в цехе, где я работаю, никогда не было такого количества сверхурочных, как в минувшем, «первом году двенадцатой пятилетки». То же продолжается и в этом году.

Или, например, «гримасы перестройки» в наших средствах массовой информации... Ну как иначе назвать бюрократически-административную «атаку на рабочий класс» — диковатую кампанию под лозунгом «Чего боится сдельщик?», начатую, еще прошлой весной, газетой, которая называется «Ленинградский рабочий»? Эта кампания была поддержана и некоторыми центральными газетами. Сдельщик, видите ли, «не патриот»: не желает сам просить у администрации, чтобы ему срезали нормы и понизили зарплату.

Не буду сейчас углубляться в эту тему, заслуживающую отдельного исследования в рамках «экономической социологии». Скажу лишь, что налицо попытка за счет рабочих решить действительно встающую сейчас проблему «одного с сошкой, семерых с ложкой» на нашем производстве.

Кстати сказать, в ходе этой газетной кампании, был беспардонно ошельманован рабочий-новатор, бригадир передовой бригады фрезеровщиков на «Полиграфмаше», мой товарищ Геннадий Богомолов.

Спрашивается, как относиться ко всем этим явлениям нам, социологам? Прежде всего — замечать их. Далее — не бояться исследовать! Но тут и в социологии нельзя обходиться только старыми, привычными методами.

Сейчас много говорят о региональной социологической службе, ее контролирующей, координирующей функциях. А я бы спросил: готова ли эта служба к выполнению экспертной функции, относительно того, как совершается перестройка? Не еще одним чиновным органом должны выступать районные социологические службы, как у нас в Ленинграде, а своего рода научно-методическими центрами, рабочими семинарами по вопросам общественной перестройки. Руководителями таких семинаров должны быть ведущие ученые, и даже не обязательно «прописанные» в данном районе по месту основной работы.

В заключение одно почти теоретическое соображение. Принято различать социологическую *теорию* и социологическую *эмпирию*. Мне представляется уместным построить эту пару до триады. Третьим равноправным членом, по-видимому, должно выступать социологическое *действие*. Я имею в виду вовсе не набор «практических рекомендаций» (в которых как теоретики, так и эмпирики накопили изрядный опыт угадывания желаний начальства). А — познающее действие, *познание через действие*, через эксперимент, живое соприкосновение с социальной практикой, погружение в нее.

Мне кажется, со временем войдет в научный обиход понятие «социолог-экспериментатор», или «социолог-испытатель»...
А. Алексеев, 17.03.87

Ремарка: Кому это было надо

Стоит заметить, что рассмотренная выше «гримаса перестройки» оказалась довольно живучей. Несмотря даже на «критику сверху», навязывание двухсменки без учета конкретных обстоятельств производства, в том числе и на слесарных участках, где это и совсем нелепо, так или иначе продолжалось, в частности, на «Ленполиграфмаше», по крайней мере до середины 1988 г..

Оказалось, что администрация заинтересована в этом и не только «для рапорта» по инстанциям, но также и для маскировки неритмичности производства, слабой загруженности высокопроизводительного оборудования, для повышения «управляемости» рабочих и т. п. (Июль 2006).

Вместо заключения

Мне хотелось бы привести здесь фрагмент из предисловия к ранней версии «Драматической социологии...», а именно из книги 1997 г.:

«...**Жизненный эксперимент**, вообще говоря, является довольно распространенной (пусть не массовой) формой социальной активности. Поведение субъекта в таком случае заведомо нестандартно и отклоняется от социальных стереотипов. Мотивы тут могут быть различными. Скажем, гражданственная мотивация (богатую палитру примеров представляет правозащитное движение), Или же мотивы психологические (поиск новизны, «испытание себя»), мотивы экзистенциальные (типа «жить в ладу с собой»). Реже встречается собственно исследовательская мотивация эксперимента «на самом себе».

Здесь заметим, что сам по себе уход автора в рабочие, на рубеже 1970—1980-х годов, вовсе не был явлением исключительным и среди социологов.

Только из ближнего круга коллег — трое профессиональных социологов (Ю. А. Шеголев, А. А. Кетерат и С. М. Розет, ныне покойный) в ту же пору, вовсе не вынуждаемые кем или чем-либо, а из внутренних побуждений, круто повернули свою жизнь, став рабочими (Юрий Шеголев сделал это двумя годами раньше автора). Сложилось так, что именно у автора данной книги в этой жизненной перемене получил наиболее последовательное развитие профессионально-исследовательский мотив...»²⁰

А вот — из предисловия к последней версии «Драматической социологии...» (2003-2005):

«...Конечно же, это мог быть вовсе и не эксперимент социолога-рабочего... И не «коррида» социолога-тореадора с быком-системой... И не изобретение новых социологических методов и т. п. Вообще, это могла быть **любая «своя жизнь»** — с неизбежно сочетающимися в ней элементами жизнестроительства и выживания, активизма и созерцательности, «думания» и «делания» (Гете)».²¹

Июнь-сентябрь 2006

20 Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1. М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 23.

21 Из Гете: «Думать и делать, делать и думать — вот итог всей мудрости... И то, и другое в течение всей нашей жизни должно вершиться попеременно, как вдох и выдох, и как вопрос без ответа, одно не должно быть без другого...». (Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1..., с. 43).